

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.13>

ПРОБЛЕМА ДЕЭКОЛОГИЗАЦИИ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕАЭС

Элеонора Сергеевна Навасардова¹
Роман Владимирович Нутрихин²

1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Доктор юридических наук, профессор. ORCID: 0000-0003-4829-3933. E-mail: navasardova@yandex.ru

2 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент. ORCID: 0000-0001-6943-012X. E-mail: nut-roman@yandex.ru

Автор, ответственный за переписку: Навасардова Элеонора Сергеевна, navasardova@yandex.ru

Аннотация. Введение. В статье анализируются правовые нормы России и Казахстана – стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Материалы и методы. Законодательство этих двух стран ЕАЭС по вопросам охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов рассмотрено в рамках риск-ориентированного подхода. Особый акцент сделан на законодательстве об особо охраняемых природных территориях, курортах и иных уникальных природных объектах и комплексах. Наряду с действующим национальным правом рассмотрена практика его применения, а также проводимое в настоящее время и возможное в перспективе нормотворчество. **Анализ.** В статье исследованы действующие правовые нормы, способствующие возникновению коррупции, а также выработаны практические рекомендации, направленные на преодоление этой негативной тенденции. Авторы констатируют попытки лоббирования отдельными финансово-экономическими группами своих коммерческих интересов в сфере законотворчества, что на современном этапе ведет к деэкологизации национального законодательства в странах ЕАЭС. Указанная тенденция проиллюстрирована примером новейших изменений законодательства об особо охраняемых природных

территориях в России и Казахстане, а также активными попытками изменить законодательство в сторону либерализации охранительного режима. Выявляются сходные тенденции деэкологизации эколого-природоресурсных правовых норм в двух странах ЕАЭС.

Результаты. Сделаны выводы о том, что изъяны природоохранной политики в постсоветских странах влекут непоследовательность, недостаточность и противоречивость вновь принимаемых норм. Авторы выявляют такие недостатки и указывают их возможные негативные последствия для правоприменения. Предлагаются варианты решения существующих и потенциально возможных проблем в странах ЕАЭС, с попутным рассмотрением возможности рецепции таких решений другими государствами на этапе их экономической интеграции в рамках Союза.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, Евразийский экономический союз

Для цитирования: Навасардова Э. С., Нутрихин Р.В. Проблема деэкологизации природоохранного законодательства России и Казахстана в контексте формирования эколого-безопасного пространства ЕАЭС // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (2). С. 279–285. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.13

Original article

THE PROBLEM OF DEECOLOGIZATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE EAEU ECOLOGICAL AND SAFE SPACE

Eleonora S. Navasardova¹
Roman V. Nutrikhin²

1 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sci. (Law), Professor. ORCID: 0000-0003-4829-3933. E-mail: navasardova@yandex.ru

2 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor. ORCID: 0000-0001-6943-012X. E-mail: nut-roman@yandex.ru

Corresponding author: Eleonora S. Navasardova, navasardova@yandex.ru

Abstract. Introduction. The article analyzes the legal norms of Russia and Kazakhstan – the countries-members of the Eurasian Economic Union (EAEU). **Materials and Methods.** The legislation of these two EAEU countries on environmental protection and rational use of natural resources was considered within the framework of a risk-oriented approach. Special emphasis is placed on legislation on specially protected natural areas, resorts

and other unique natural objects and complexes. Along with the current national law, the practice of its application is considered, as well as the current and possible rule-making in the future. **Analysis.** The article examined the current legal norms that contribute to the emergence of corruption, as well as developed practical recommendations aimed at overcoming this negative trend. The authors state attempts to lobby individual

financial and economic groups for their commercial interests in the field of lawmaking, which at the current stage leads to the de-ecology of national legislation in the EAEU countries. This trend is illustrated by an example of the latest changes in legislation on specially protected natural areas in Russia and Kazakhstan, as well as active attempts to change legislation towards the liberalization of the protection regime. Similar trends in the deecologization of environmental and natural resource legal norms in the two EAEU countries are revealed. **Results.** It was concluded that the flaws in environmental policy in the post-Soviet countries entail insufficiency and inconsistency of the newly adopted norms. The authors identify such deficiencies and indicate their possible

Введение. В последние годы в некоторых странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) наметилась тенденция к деэкологизации законодательства об охране окружающей среды. По нашему мнению, это стало следствием лоббирования отдельными группами своих бизнес-интересов в области законодательства, следствием чего становится снижение качества правового регулирования данных отношений и, как результат, – вред природе.

Материалы и методы. Настоящее исследование, как и большинство правовых работ такого рода, базируется на анализе норм законодательства и на обобщении взглядов ученых-юристов, так или иначе касающихся рассматриваемой проблематики. При этом авторы используют системный и функционально-правовой методы. Кроме того, правовые нормы, регулирующие режим особо охраняемых природных территорий, рассматриваются как в действующей редакции, так и в их ретроспективе. Соответствующее законодательство анализируется на примере двух стран, входящих в ЕАЭС. В этой связи для настоящей статьи характерны сравнительно-правовой и сравнительно-исторический методы. Последний метод особенно актуален именно для ЕАЭС, поскольку образовавшие его постсоветские государства имеют общую историческую судьбу и общий опыт правового регулирования природоохранных отношений.

Анализ. Ярким примером выявленной тенденции к деэкологизации природоохранного законодательства является изменение правового режима особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» серьезно сократил перечень ООПТ в стране [6]. Из него были исключены лечебно-оздоровительные местности и курорты под тем предлогом, что их правовой режим регулируется отдельным федеральным законом [5]. Это привело к возникновению серьезных пробелов и противоречий в законодательстве как о курортах, так и

negative consequences for law enforcement. Options for solving existing and potentially possible problems in the EAEU countries are proposed, with a concurrent consideration of the possibility of receiving such solutions by other states at the stage of their economic integration within the Union.

Key words: specially protected natural areas, Eurasian Economic Union

For citation: Navasardova E., Nutrikhin R. The problem of deecologization of environmental legislation of Russia and Kazakhstan in the context of the formation of the EAEU ecological and safe space // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 279–285 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.13

об ООПТ, чем были созданы предпосылки формирования такого коррупциогенного фактора, как неопределенность правового регулирования.

Вслед за тем появилось еще несколько новых законов, серьезно поменявших правовой режим ООПТ. В частности, Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменил имущественный режим компонентов, составляющих заповедник, в п. 2 ст. 6 Федерального закона от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон № 33-ФЗ). Новым законом было определено, что, хотя земельные участки и природные ресурсы, расположенные в границах государственных природных заповедников, находятся в федеральной собственности, однако отчуждению из последней не подлежат только земельные участки.

Иными словами, земли заповедников провозглашаются изъятыми из гражданского оборота, а иные заповедные природные ресурсы из оборота не изымаются и даже не ограничиваются в обороте. То есть животный и растительный мир, полезные ископаемые государственных природных заповедников и т.п. потенциально становятся объектами гражданско-правовых сделок. Трудно представить себе ситуацию, в которой следовало бы вовлекать эти заповедные ресурсы в гражданский оборот – пусть даже и в весьма ограниченном объеме. Думается, что все природные ресурсы заповедников, наряду с земельными участками, должны быть полностью исключены из гражданского оборота.

То же самое необходимо сказать и о природных ресурсах национальных парков, которые также больше не изъяты из гражданского оборота в результате изменений, внесенных в п. 2 ст. 12 Закона № 33-ФЗ. Указанные изменения ослабляют ограничения хозяйственной деятельности на территории ООПТ, ведут к расширению ее масштабов, а также создают угрозу возникновения коррупционных проявлений как всякое исключение из правил или узкое допущение в условиях общих ограничений, свойственных режиму ООПТ.

Также в 2018 году из ст. 14 Закона № 33-ФЗ был исключен п. 2, которым предусматривалось обязательное наличие положительного заключения государственной экологической экспертизы для преобразования государственных природных заповедников в национальные парки. Эта законодательная работа шла параллельно с преобразованием четырех российских заповедников (Тебердинский в Карачаево-Черкессии, «Столбы» в Красноярском крае, «Гыданский» в Ямало-Ненецком АО и «Командорский» на Камчатке) в национальные парки. Из изъятия указанного положения из федерального закона следовало, что для коренного преобразования организационной формы четырех российских заповедников (с существенным изменением их правового режима) уже не требовалось проводить государственную экологическую экспертизу, что представляется весьма значительным упущением. Экологическая экспертиза при принятии этого важного решения могла бы помочь оценить все его последствия и потому, в данном случае, ее нельзя было ни упразднить, ни игнорировать.

Однако и из ст. 11 Федерального закона от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» был исключен пп. 6.1, ранее относивший к объектам государственной экологической экспертизы материалы, обосновывающие преобразование государственных природных заповедников в национальные парки. Отказ от экологической экспертизы в этом случае стал, на наш взгляд, большой ошибкой. Принятие решений о преобразовании заповедников в национальные парки без проведения государственной экологической экспертизы не являются ни сколько-нибудь обоснованными, ни убедительными для общественности. Не говоря уже об открывающихся в связи с этим возможностях для коррупционных злоупотреблений.

Еще более серьезную трансформацию правовой режим российских ООПТ претерпел в связи с принятием Федерального закона от 30.12.2020 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этим актом в гражданский оборот были возвращены земельные участки из состава особо охраняемых природных территорий, находящиеся в границах населенных пунктов (за исключением земель государственных природных заповедников). То есть земли даже федеральных ООПТ на территории населенных пунктов могут теперь свободно передаваться в региональную, муниципальную и даже частную собственность. Эти участки из земель ООПТ могут предоставляться гражданам и юридическим лицам для ведения садоводства и огородничества, индивидуального жилищного, гаражного строительства и т.п.

Такое смягчение правового режима земель национальных парков и других ООПТ, которое было обосновано необходимостью обеспечения конституционных прав и законных интересов проживающих там граждан, не подкреплено, однако, никакими «сдерживающими» нормами. Из закона следует, что предоставление рассматриваемых земель в пользование гражданам и юридическим лицам должно осуществляться региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления. Но совершенно не ясно, под чьим контролем они будут это делать. Думается, что бесконтрольное распоряжение землями на территории национальных парков со стороны, скажем, органов местного самоуправления, учитывая возможные коррупциогенные и иные негативные факторы, чревато множеством рисков и потому недопустимо.

По нашему мнению, деятельность органов местного самоуправления по предоставлению земель из состава ООПТ на территории населенных пунктов в пользование граждан и юридических лиц должна осуществляться под контролем исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации. А соответствующая деятельность региональных властных структур – под контролем уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального исполнительного органа (например, Министерства природных ресурсов и экологии РФ). Такая иерархия «сдерживающих» полномочий, на наш взгляд, и должна быть отражена в законодательстве об ООПТ. Эту же схему можно предложить и другим государствам-членам ЕАЭС.

Условием для передачи земель населенного пункта из состава ООПТ в собственность субъекта Российской Федерации или муниципального образования (с последующим предоставлением таких земель в пользование гражданам и юридическим лицам) ныне действующее российское законодательство называет: внесение сведений о границах соответствующего населенного пункта в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). Вызывает, однако, некоторые сомнения достаточность такой меры и ее соразмерность произошедшим изменениям. Думается, что для более надежного контроля за использованием земель населенных пунктов, где имеются ООПТ, в ЕГРН должны быть внесены не только сведения о границах поселений, но и информация обо всех территориальных зонах, выделяемых в пределах этих населенных пунктов в соответствии с их градостроительными регламентами. Ведь сами органы местного самоуправления могут произвольно менять границы установленных ими территориальных зон. Если каждое такое изменение будет отражаться в ЕГРН, это обеспечит всесторонний контроль за деятельностью по предоставлению земель в пользование из состава ООПТ. Тем

более что Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» позволяет вносить сведения о границах территориальных зон в ЕГРН (раздел «Рестр границ»).

Таким образом, необходимо констатировать, что за несколько предшествующих лет режим российских ООПТ был в значительной степени смягчен в интересах застройщиков и иных хозяйствующих субъектов. Были вовлечены в гражданский оборот земли ООПТ в границах населенных пунктов. Допущен гражданский оборот иных природных ресурсов уже на территории всех ООПТ без каких-либо исключений. Часть ООПТ была подвергнута преобразованию в иную организационную форму с более мягким правовым режимом. Возможности проведения государственной экологической экспертизы в отношении ООПТ также законодательно сужены. Полномочия органов местного самоуправления (которые в России не входят в систему органов государственной власти) в отношении земель ООПТ, напротив, возросли. На практике все это порождает многочисленные возможности для злоупотреблений и уже неоднократно имевших место в стране коррупционных проявлений.

Та же тенденция, связанные с деэкологизацией законодательства об ООПТ, проявилась и на уровне субъектов Российской Федерации. В частности, в Ставропольском крае недавно также началась реформа регионального законодательства об ООПТ. Предлагаемые здесь нововведения, связанные с регулированием процедуры ликвидации и реорганизации ООПТ краевого значения, представляются крайне нежелательными и опасными.

Что касается предложений о введении правового регулирования ликвидации региональных ООПТ, то они представляются нам абсолютным и неприемлемым злом. Первые ООПТ в стране появились еще до 1917 года и в советский период их активное создание приобрело систематический характер. Насколько мы знаем, ни одна из ООПТ, образованных за всю историю России в разные периоды ее существования, пока что упразднению не подвергалась. Какие-то объективные предпосылки для этого трудно себе представить (кроме разве что экологической катастрофы, сравнимой с Чернобыльской, в результате которой природная уникальность какой-либо из ООПТ подвергнется скоротечной и необратимой деградации, в виду чего особая эколого-правовая охрана данной территории утратит практический смысл). В законодательстве Российской Федерации возможность упразднения ООПТ не предусмотрена и поэтому процедурно никак не регулируется. Стало быть, и в региональном законодательстве такого быть тоже не должно.

В ходе реформирования природоохранного законодательства на Ставрополье под «реорганизацией» ООПТ предлагается, среди всего прочего, понимать изменение площади и границ ООПТ, а также режима их особой охраны.

Это означает, что в случае принятия соответствующих изменений существование ООПТ в этом российском регионе больше не будет достаточно жестким, бескомпромиссным инструментом охраны уникальных природных сред и компонентов окружающей среды. Если предлагаемые нововведения получат силу регионального закона, то любую из ныне существующих ООПТ краевого значения можно будет сократить путем уменьшения ее площади или ослабить режим ее охраны, разрешая там те виды деятельности, которые ранее не допускались.

Вообще, столь широкая трактовка понятия «реорганизация» представляется неуместной. На более высоком, федеральном уровне – в Законе № 33-ФЗ – понятия «реорганизация ООПТ» вообще не существует. Федеральное законодательство также не предусматривает возможности сокращения площади ООПТ или произвольного ослабления режима их охраны по решению органов исполнительной власти. Законодательство субъектов Российской Федерации по аналогии федеральным должно быть направлено на безусловную охрану ООПТ, а никак не на ослабление их правового режима или сокращение их площади. Само указание на такую возможность в региональном законе крайне опасно, потому что открывает необозримый простор для вполне предсказуемых злоупотреблений и обладает в виду этого большим коррупциогенным потенциалом.

Учитывая, какой повышенный интерес к «неосвоенным» землям региональных ООПТ существует у всякого рода застройщиков, необходимо сделать вывод о высокой степени коррупциогенности предлагаемых изменений. Представляется очевидным, что уменьшение площади или либерализация охранного режима ООПТ может лоббироваться застройщиками, которых не устраивают установленные законом ограничения хозяйственной деятельности для соответствующих территорий с особым режимом использования. Рассматриваемые инициативы, таким образом, чреваты целым рядом опасных рисков, включая экологические и коррупционные.

Для Ставропольского края это вопрос неспроста, поскольку все имеющиеся на его территории ООПТ, кроме одной (национального парка в г. Кисловодске), имеют региональное значение. Таким образом, речь идет практически обо всех ООПТ в пределах края. Ранее предпринимавшиеся попытки уменьшения площади существующих на Ставрополье ООПТ в интересах застройщиков вызывали большой, крайне негативный общественный резонанс (например, при попытке

уменьшения площади краевого заказника «Русский лес» в районе дачного товарищества «Механизатор»).

Вносимые ныне региональные законодательские инициативы, увы, не предусматривают процедур общественного обсуждения таких важных и потенциально резонансных вопросов. Если перед регионом стоит объективная необходимость корректировки существующих ООПТ в интересах реализации крупных социально-значимых проектов, то порядок реализации соответствующих изменений было бы необходимо прописать несколько иначе. В частности, такие изменения должны рассматриваться как явление исключительного характера, имеющее строгие ограничения – предметно, локально и во времени.

В региональном законе могло бы быть указано, что в соответствии с предложенным порядком территории ООПТ регионального значения, а также режим их охраны могут быть скорректированы в течение года со дня вступления закона в силу для строительства конкретных объектов, с перечислением тех муниципальных образований, на территории которых планируется реализация проекта. При этом в обязательном порядке необходимо предусмотреть процедуру общественного обсуждения в ходе принятия данных решений. Такой правовой алгоритм был бы более понятен и вызывал бы меньше нареканий, чем введение неограниченной ни территориально, ни во времени возможности произвольной «реорганизации ООПТ», которая очевидно снижает эффективность ООПТ как инструмента охраны окружающей среды, а в перспективе и вовсе – сводит его на «нет».

Поскольку федеральное законодательство не допускает реорганизации ООПТ федерального значения (тем более, в форме уменьшения их площади или ослабления режима их охраны), то и в региональном законодательстве, по нашему мнению, подобные нормы недопустимы. Если у органов исполнительной власти в регионах появится возможность произвольно корректировать границы ООПТ и режим их охраны, можно себе представить, как это повлияет на усиление коррумпированности соответствующих природоохранных отношений.

Может, однако, показаться, что описанные проблемы трансформации правового режима ООПТ свойственны исключительно Российской Федерации, но это далеко не так. Со сходными трудностями сталкиваются и другие государства-участники ЕАЭС. Так, в феврале 2021 года казахский Мажилис (парламент) одобрил Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам туристской деятельности». Этот нормативный акт также существенным образом меняет установленный ранее в стране правовой режим ООПТ.

Им вводится понятие «приоритетных туристских территорий», на которых планируется стимулировать развитие туризма в соответствии с особой государственной программой. Данные «приоритетные туристские территории», однако, образуются уже на давно существующих в Казахстане ООПТ. Это влечет за собой ряд потенциальных проблем в области правоприменения. Например, сферой туризма в стране ведает Министерство культуры и спорта, а охраной ООПТ – Министерство экологии, геологии и природных ресурсов. В условиях неизбежного ведомственного конфликта приоритет будет отдан Минкультуры как отвечающему за перспективное с точки зрения инвестиций туристское направление. Понятно, что при таком положении дел интересы охраны природы могут отойти на второй план и существенно пострадать.

Развитие приоритетных туристских территорий предполагает строительство капитальных объектов инфраструктуры с подведением к ним инженерных сетей. И это при отсутствии в Казахстане специального законодательства о курортах. Их режим в этой стране регулируется отдельными нормами Экологического и Земельного кодексов, а также иными нормативными актами [3-4]. Вместе с тем, в законодательстве Казахстана отсутствует нормативная дефиниция «курорт», хотя само это понятие в национальном законодательстве фигурирует.

Представители экспертного сообщества Республики Казахстан уже неоднократно высказывались за принятие специального закона о лечебно-оздоровительных местностях и курортах. Но пока они получили только закон о развитии туризма на территориях ООПТ и курортов, правовой режим охраны которых определен и обеспечен далеко не в достаточной степени. При этом в Казахстане курорты, как и в России, не входят в перечень ООПТ, и их режим не регулируется Законом Республики Казахстан от 07.07.2006 г. № 175-III «Об особо охраняемых природных территориях».

Земли ООПТ в Казахстане, как и в России, были в свое время полностью или частично изъяты из хозяйственного использования и гражданского оборота в связи с установлением на них особого режима охраны. Однако потом на некоторых ООПТ была разрешена ограниченная хозяйственная деятельность в интересах проживающего там населения, как это было сделано и в России. Общая тенденция, таким образом, налицо.

В недавно принятом казахском законе о приоритетных туристских территориях управление ими, помимо органов исполнительной власти, возлагается на некую «управляющую компанию». Любопытно, что Министерство Российской Федерации по делам Северного Кавказа (до своего упразднения) активно продвигало аналогичную концепцию – частное управление курортами Кавказских Минеральных Вод посредством похужей

«управляющей компании». Возникает ощущение, что казахские и российские авторы данных нормотворческих инициатив черпали свои идеи из одного источника, что, к сожалению, в обеих этих странах ЕАЭС ведет к дезэкологизации законодательства об ООПТ и курортах [2].

В Республике Казахстан, как и в России, и до принятия нового законодательства в данной сфере отмечались многочисленные нарушения установленного режима ООПТ и курортов. «Несмотря на тенденцию повышения интереса к курортам, – пишет казахский ученый Т. Ау, – и постепенного роста их статуса (они стали инвестиционно привлекательны для предпринимателей), существует возможность их ликвидации, что может негативно сказаться на охране окружающей среды региона в целом. Так, например, застройка Щучинско-Боровской курортной зоны ведется с нарушением природоохранного законодательства. Строительство гостиниц, ресторанов, пунктов быстрого питания, мест для парковки, а также индивидуальное жилищное строительство идет в нарушение правил и стандартов, регламентирующих условия охраны природы, недр, атмосферного воздуха» [1].

Исследователь отмечает, что правоприменительная практика в данной области не достигает поставленных целей, в том числе, и по причине недостаточной правовой урегулированности рассматриваемых отношений. Он полагает необходимым принятие в Республике Казахстан специального закона о курортах, где было бы закреплено их правовое понятие и детально определен их правовой режим. Важность этого возрастает в связи с усилением межгосударственной экономической интеграции, которая призвана привлечь в Казахстан еще больше иностранных инвесторов.

«Современный период, – пишет Т. Ау, – характеризуется вложением инвестиций в оздоровительную сферу. Ряд отечественных и зарубежных предпринимателей, как было указано выше, уже сейчас нарушают экологические требования при получении земельных участков, пригодных для строительства курортов, при эксплуатации последних. Республиканское законодательство, к сожалению, не может адекватно ни них отреагировать. В законодательстве Республики Казахстан не установлена ответственность за нарушение режима курортов, что затрудняет привлечение к ответственности в таких случаях нарушителей. Возможно лишь применение статей общего характера» [1].

Результаты. Из сказанного выше видно, насколько страны ЕАЭС нуждаются в развитии своего эколого-природоресурсного законодательства. Оно уже сейчас не стоит на месте, и процесс его трансформации будет продолжаться. При этом очень важно, чтобы его развитие протекало не в русле дезэкологизации, преследуя сиюминутные инвестиционные интересы, а с учетом соблюдения гармоничного баланса между экологическими и экономическими интересами общества.

Почему эти экологические проблемы актуальны сегодня для ЕАЭС? Дело в том, что тесная межгосударственная интеграция на постсоветском пространстве в рамках данного блока предполагает взаимопроникновение инвестиций в крупные строительные и иные коммерческие проекты на территориях государств-участников. Для инвесторов большое значение имеют законодательные ограничения хозяйственной деятельности, принятые в разных государствах. Субъектами экономических отношений такие ограничения могут рассматриваться как нежелательные барьеры для ведения строительства и другой инвестиционной активности. При этом для инвесторов особой привлекательностью обладают именно ООПТ как потенциально значимые с точки зрения развития туризма и иных перспективных направлений.

С одной стороны, связанный с усилением межгосударственной интеграции приток иностранных инвестиций может способствовать развитию экономики. С другой, процесс этот чреват дополнительными экологическими рисками, создающими угрозу для сохранения ООПТ. В данной сфере очень важно соблюсти тот хрупкий правовой баланс, который способен обеспечить динамичный экономический рост без ущерба для охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

В этом контексте и существующее, и создаваемое законодательство государств-членов ЕАЭС должно подвергаться экспертной оценке, исходя из риск-ориентированного подхода. Разумный учет интересов бизнеса необходимо трезво сопоставлять с порождаемыми ими экологическими и иными рисками. Любые предлагаемые нововведения в эколого-природоресурсное законодательство подлежат непременно оценке с точки зрения потенциальных рисков, которыми они чреватые.

Значение такого риск-ориентированного подхода многократно возрастает в условиях экономической интеграции в рамках ЕАЭС и усиливающейся в связи с ней международной инвестиционной деятельностью.

Литература

1. Ау Т. «Курорт» как юридическая категория: проблемы правового регулирования URL: <https://articlekz.com/article/10008> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Навасардова Э. С., Чечель Г. И., Нутрихин Р. В. Проблемы правового режима земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 186–196.

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 04.02.2005 г. «О некоторых вопросах Щучинско-Боровской курортной зоны» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P050000106_ (дата обращения: 20.03.2023).
4. Распоряжение Президента Республики Казахстан от 11.06.2004 г. № 474 «О мерах по сохранению уникальных и редких ландшафтов на территории Республики Казахстан» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N040000474_ (дата обращения: 20.03.2023).
5. Федеральный закон от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Au T. «Resort» as a legal category: problems of legal regulation Available from: <https://articlekz.com/article/10008> [Accessed 20 March 2023] (In Russ.).
2. Navasardova Je.S., Chechel' G.I., Nutrihin R.V. Problems of the legal regime of lands of health-improving areas and resorts. *Gumanitarnye i ūridičeskie issledovaniâ = Humanities and Law Research*. 2019;4:186-196 (In Russ.).
3. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan of 04.02.2005 «On some issues of the Schuchinsk-Borovsk resort zone» Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P050000106_ [Accessed 20 March 2023] (In Russ.).
4. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 11.06.2004 No. 474 «On measures to preserve unique and rare landscapes in the territory of the Republic of Kazakhstan» Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N040000474_ [Accessed 20 March 2023] (In Russ.).
5. Federal Law of 23.02.1995 No. 26-FZ «On Natural Therapeutic Resources, Health and Recreation Areas and Resorts» // SPS «Konsul'tantPljus» (In Russ.).
6. Federal Law No. 406-FZ of 28.12.2013 «On Amendments to the Federal Law» On Specially Protected Natural Areas «and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «Konsul'tantPljus» (In Russ.).